

Земское самоуправление на Устье

15 сентября отмечается Международный день демократии. Слово «демократия» с древнегреческого языка переводится как «народовластие». Согласно нашей Конституции, носителем суверенитета и единственным источником власти в России является народ. Вместе с тем в современном российском обществе к демократии отношение неоднозначное, зачастую негативное. Причинами сложного отношения к ней являются так называемая «имитационная демократия», т.е. копирование лишь ее внешних форм, а также навязывание определенной ее модели из-за рубежа, что с подлинной демократией может не иметь ничего общего и вызывает слабое участие людей в общественной и политической жизни страны.

Участие народа, людей в управлении страной, даже небольшой ее частью, может казаться вообще недостижимым идеалом, мечтой. Встречаются иногда утверждения, что в России демократия не имеет исторических корней, и поэтому не может прижиться на нашей почве.

История Устьянских волостей – этой самобытной административно-территориальной единицы нашего государства, существовавшей на протяжении трех веков (с конца XV по конец XVIII века), – показывает, что это далеко не так. Значительный период нашего древнего прошлого – это история классического земского самоуправления, когда местные должностные лица Устьянских волостей избирались именно с помощью демократических процедур при активном участии в управлении местного населения, причем в подавляющем большинстве крестьянского.

Структура управления, существовавшая в Устьянских волостях, хорошо описана в замечательной книге Михаила Михайловича Богословского «Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.». Именно данный источник мы берем за основу нашего рассмотрения.

Основными документами, регулирующими отношения между Устьянскими волостями и верховной властью (в лице великого князя, позднее – царя), были жалованные грамоты. В этих документах определялся порядок самоуправления: выбор местных должностных лиц, приведение их присяге, их обязанности и права. Первая жалованная грамота о самоуправлении была выдана представителям Устьянских волостей в 1555 г. при Иване Грозном, вторая – в 1622 г. при Михаиле Федоровиче Романове, после чего Устьянские волости, по словам М.М. Богословского, «стали округом чисто земского самоуправления».

Устьянские волости – это удивительный в истории России регион, который не имел административного центра и общеволостных постоянных органов власти. Устьянские волости состояли из отдельных волостей, и именно на уровне отдельных волостей существовало самоуправление. Ни одна из волостей не была главенствующей над другими. На межволостном уровне собирались только «мирские советы» – съезды. В XVI веке было 5 волостей: Устьянская (в ед. числе, она же – Введенский стан), Ростовская,

Чадромская, Пежемская и Чушевицкая, в начале – середине XVII века их насчитывалось уже 6 (из Ростовской волости в конце XVI века выделилась Соденьгская).

Самой сложной по структуре управления волостью был Введенский стан, который простирался от современных Шангал до самых верховий Устья и делился внутри себя на 4 сохи (сошки), из которых в начале – середине XVII века образовались последовательно 4 волости: сначала Шангальская, затем – Никольская, Введенская и Дмитриевская.

Высшим должностным лицом в каждой устьянской волости был земский судья. Слово «земство» происходит от понятия «земли» в значении представителей страны (народа), а не верховной власти (царя). Земский судья приходит на смену правительственному агенту – волостелю, позднее «приказному человеку» (чиновнику приказа Устюжской четверти в Москве). Земский судья – выборное высшее должностное лицо от народа, с другой стороны, он приносит присягу царю, действует по выданной в Москве «наказной памяти», своего рода должностной инструкции, и является в этом смысле представителем государства. В его обязанности входило осуществление суда, а также сбор и отправка податей (налогов) в Москву. Помимо этого, в Устьянских волостях земский судья осуществлял расследование уголовных дел, розыск и наказание преступников. Ранее эту обязанность исполняли специальные выборные «губные старосты», но затем их функцию взяли на себя земские судьи. В период классического самоуправления никаких других представителей государства (воевод, «приказных людей») здесь не было, поэтому сначала губным старостам, затем местным судьям при помощи мира приходилось самим исполнять функции полиции. Земский судья избирался на год в своей волости, но приносил присягу в Москве (во всяком случае, должен был это делать). После года он, как правило, второй раз не выдвигался и не переизбирался, так как его должность была сложной и неоплачиваемой – своего рода, почетной обязанностью перед избравшими его людьми.

Целовальник – второе по значимости выборное («излюбленное») должностное лицо после судьи. Он приносил присягу посредством целования креста при вступлении в должность, поэтому и стал так называться. Как и судья, целовальник принимал участие в суде, в таком случае он назывался в Устьянских волостях «судецкий целовальник». В судебных заседаниях он вёл наблюдение за правильностью составления «судного списка» (протокола заседания суда) дьячком. Вместе с судьей он участвовал в «сыске» (следствии), «поимке воров», а также должен был присутствовать при «расспросе» и «пытке». Целовальника можно назвать первым помощником судьи. Как и судья, он избирался на год. Должность, насколько известно, также была почетной и неоплачиваемой.

Сотский – третье по значимости выборное лицо в Устьянских волостях. Вероятно, в древности он был представителем ста человек (сотни хозяев дворов), а пятидесятский и десятский – пятидесяти и десяти человек соответственно, но со временем точные числовые значения стерлись, и сотский представлял просто крестьян своей волости. В отличие от судьи и целовальника, сотский, насколько известно, не приносил присяги и не являлся, видимо, представителем государственной власти. В его обязанности входило, как у судьи и целовальника, присутствие на суде, предварительное дознание среди крестьян, в том числе и следствие в прямом смысле – хождение вместе с ними по следу за

преступником, составление разного рода протоколов, надзор за соблюдением порядка и заведование находящейся в волости тюрьмой.

Ниже сотского в иерархии устьянских должностных лиц располагался пятидесятский. По словам М.М. Богословского, он выполнял примерно те же функции, что и сотский, но был более ориентирован на исполнение принятых решений, должен был во всех делах помогать и сотскому, и судье, и целовальнику. Десятский – низшее должностное лицо примерно с теми же обязанностями.

При волостных судах низшим должностным лицом был доводчик. Понятное дело, что в случае самоуправления участники процесса, в особенности ответчики и свидетели, далеко не всегда к определенному сроку являлись на суд (если дело передавалось в Москву, то необходимо было обеспечить явку туда и истца, и ответчика; показания же свидетелей могли быть переданы заверенными в письменном виде). Поэтому доводчикам нужно было нежелаящих участвовать в суде либо приводить силой с помощью «добрых людей», либо отдавать односельчанам и родственникам на поруки. В последнем случае уже не доводчики, а поручители должны были обеспечить явку на суд тех, за кого они поручились. При использовании последней возможности доводчик составлял с поручителем особый акт – «поручную запись», предполагавшую ответственность за неисполнение поручителем возложенной на него обязанности. Иногда эта должность называлась не доводчик, а «земский пристав» с теми же обязанностями.

До конца XVII века в Устьянских волостях «миром», то есть местными крестьянами, избирались церковные, часовенные старосты и даже священники! Церковные старосты (иногда они назывались «церковные приказчики») были наиболее уважаемыми и авторитетными людьми, могли занимать свою должность много лет. Церковный староста заведовал зданием и имуществом церкви, часовенный староста – часовни, которое могло содержать также хлебный амбар и денежную казну (своего рода, крестьянский банк того времени, где можно было хлебом и деньгами получить кредит). Крестьянам принадлежали как построенные ими самими здания церквей и часовен, так и приобретенная в них утварь и даже одежды священнослужителей. Со священниками заключался договор, который мог крестьянами быть в одностороннем порядке расторгнут, если служитель церкви переставал их устраивать. Такой порядок церковного самоуправления, существовавший не только в Устьянских волостях, но и на всем Севере, был искоренен при первом архиепископе Холмогорском и Важском Афанасии в конце XVII века.

Очень значимую должность занимали дьячки (дьяки), волостные и церковные, которые осуществляли делопроизводство: записывали протоколы заседаний суда, мирские приговоры, церковные документы, оформляли всякого рода бумаги земских властей, частные акты (купли-продажи, обмена, наследования и т.д.). Они были наиболее грамотными людьми, и поэтому занимали свою должность подряд по много лет, в отличие от представителей многих других выборных должностей. Несомненно, дьячки пользовались большим авторитетом, и, вероятно, обладали постоянным источником дохода, который давала им грамотность.

Процедура выборов в каждой устьянской волости проходила следующим образом. Должностные лица (скорее всего, за исключением церковных старост, священников и

дьячков) избирались каждый год. Принимали участие в голосовании не все жители волости, а представители деревень (по несколько человек от всех населенных пунктов). Это были предварительно избранные из односельчан самые грамотные и уважаемые, обладающие большим жизненным опытом дворохозяева – семейные мужчины (ни одного случая участия в голосовании женщины, даже вдовы – хозяйки двора, в документах прошлого пока нам лично не встретилось). Не допускались к выборам также и бобыли – безземельные жители деревни, находившиеся в социальной иерархии ниже крестьян.

И уже эти делегаты деревень, наделенные избирательным правом, говоря современным языком, выбирали волостное начальство. Состав депутатского корпуса год от году менялся: не одним и тем же, а разным крестьянам делегировалось право выбора «во всех крестьян место», то есть от всех жителей деревни, при этом, возможно, давался и устный наказ. На волостном сходе, обычно в трапезе (помещении) церкви, за неимением в то время специальных административных зданий, собравшиеся крестьяне (делегаты) принимали общее решение – «выбор», или «излюб». *«Выбрать и излюбить»* на языке того времени означало составить избирательный протокол и одобрить выбранную кандидатуру. То есть выдвижение кандидата на должность и его одобрение различались и в то время. Возможно, на волостном сходе возникали большие дискуссии и даже шумные споры относительно разных кандидатов, но в протоколах о результатах выборов («мирских приговорах») это, как правило, не отражено. *«Выборы за руками»* – избирательные протоколы, заверенные местным священником и подкрепленные подписями участвовавших в выборах крестьян, отсылались в Москву.

Особенно сложные выборы происходили во Введенском стане, состоявшем из 4 сох / волостей. Там, очевидно, выборы были двухуровневыми: сначала они проходили внутри самих сох / волостей (Шангальской, Никольской, Введенской и Дмитриевской), а затем уже на уровне всего Введенского стана. Поскольку волости, очевидно, обладали значительной автономией по отношению друг к другу, то соблюдался порядок и баланс выбора высших общеволостных должностных лиц: поочередно избирались от каждой двух волостей 1-е и 4-е по значимости должностное лицо, а на следующий год – 2-е и 3-е. А поскольку Введенский стан был большим, то еще и в удвоенном составе: избиралось по два земских судьи, два целовальника, двое сотских и два пятидесятских и еще один доводчик (или один пятидесятский и два доводчика: состав избираемых низших должностных лиц – пятидесятских, доводчиков – от года к году мог меняться). Например, на 1645/46 год в Введенском стане представители Никольской и Дмитриевской волостей избрали двух земских судей, пятидесятского и двух доводчиков, а представители Шангальской и Введенской волостей – двух целовальников и двух сотских. В следующем 1646/47 году волости «поменялись»: Шангальская и Введенская избрали земских судей, пятидесятского и двух доводчиков, а Никольская и Дмитриевская – двух целовальников и двух сотских. Позднее, начиная с 1647/48 года, волости начинают избирать свои должностных лиц отдельно, иногда вновь объединяясь в выборах, но уже без чередования. Происходил процесс постепенного выделения из бывшей единой Устьянской волости (Введенского стана) четырех составлявших ее сох / волостей.

Как уже говорилось, постоянных «общеестьянских» органов власти не было. В качестве таковых можно рассматривать «мирские советы» – «съезды» представителей всех устьянских волостей по наиболее важным, касающимся всех вопросам. Местом

проведения их были Шангалы, возможно, из-за удобства сбора здесь крестьян всех Устьянских волостей, разбросанных на несколько сотен верст: от Чушевиц и Пежмы до Сиников и Новошино. Так, особенно активно «мирской совет» в Шангалах собирался в Смутное время для оперативного решения вопросов, связанных с защитой Устьянских волостей от интервенции поляков и примкнувших к ним русских изменников на Север. Скорее всего, именно на «мирском совете» в Шангалах происходила сначала поволостная разверстка, а затем общий сбор государственных податей (налогов), приходившихся в целом на Устьянские волости, а также выбор «ходока», который должен был отнести эти деньги в Москву. Собирали также представителей волостей «в Шангалу на стан, на мирской совет для государева дела и писцов», т.е. для консультаций по поводу проводимых государством переписей населения и дворов. Здесь же зачитывались государевы указы, «обыскные грамоты» (расспросы по судебным делам), касающиеся населения всех волостей. Возможно, здесь же утверждали кандидатуры «челобитчиков», которые должны были представлять в Москве интересы Устьянских волостей в нередко затяжных финансовых спорах с учреждениями государственной власти.

О том, что в виде «мирских сходов» общеволостные органы власти все же существовали, прямо говорит наказная память Петра I от 31 августа 1700 года о произведении счета с крестьянами Чушевицкой волости, в которой цитируется челобитная крестьян других устьянских волостей: *«А и з древних де лет, по указу великого государя и по жалованным грамотам, на большом Шангальском стану и доднесь всякие всеволостные дела исправляют»*. Получается, в Шангалы на стан, должны были ходить представители и Чушевицкой, и, очевидно, Пежемской волостей, располагавшихся на значительном удалении от Устьи.

Особо следует подчеркнуть, что Устьянские волости в классический земский период истории подчинялись напрямую Москве, минуя посредников – соседние города: Устюг, Тотму, Вагу (Шенкурск), которые на протяжении веков мечтали их притянуть к себе. Иногда им это удавалось, но всякий раз устьяки (как тогда назывались, – «устьянцы») добивались самостоятельности, благодаря наличию жалованных великокняжеских и царских грамот и упорному отстаиванию своей правовой позиции. Правительственные агенты, воеводы из соседних городов, даже будучи подкреплены вооруженной силой (стрельцами), зачастую встречали серьезное, нередко также вооруженное, сопротивление в Устьянских волостях, т.к. их юрисдикция на наших предков не распространялась. Особенно сильным было выступление устьянских крестьян против переписи дворов 1635 г., в результате чего присланному из Москвы дворянину Овцыну тогда так и не удалось переписать три верхние волости: Никольскую, Введенскую и Дмитриевскую, а в д. Щапинской восставшими был даже сооружен небольшой острог. За сопротивление незаконным, на их взгляд, требованиям представителей верховной власти устьяки терпели наказание (бывали биты батогами и плетьюми), но тем не менее добивались в очередной раз защиты дарованных прав.

О значительных полномочиях и независимости местных Устьянских органов власти говорит следующий исторический факт. Из-за отказа устьянских крестьян обслуживать Чушевицкий ям самому Петру I на пути из Архангельска в Москву в 1694 г. пришлось останавливаться на ночлег в поле и смириться, таким образом, с правовой позицией представителей самобытного административного округа, каким являлись в то

время Устьянские волости. В дневнике генерала Гордона, сопровождавшего царя, содержится следующая запись: *«4 длинных версты к ночи до Устинского [Устьянского] Яма, каковой мы нашли опустевшим, так что стали на ночлег в поле и держали добрый дозор, дабы подводчики не сбежали. Сей округ не состоит под юрисдикцией никакого воеводы, но избирает собственных судей, а то, что они не могут решить, передается в Москву»*. [Гордон П. Дневник 1690–1695. Москва, 2014. С. 293.]

По прежним жалованным грамотам, Устьянские волости должны были исполнять ямскую повинность в денежной форме, а участвовать в отбывании ямской повинности устьянским ямщикам с лошадьми не полагалось. Даже для царя не было сделано исключение.

Но в условиях строительства Петром I централизованного государства на западный манер Устьянские волости лишились прежней самостоятельности, были даже на одно время в начале XVIII века включены в состав Важского уезда. Сразу же после этого в Чушевицкой волости был учрежден ям, и крестьяне Устьянских волостей стали отбывать ямскую повинность наряду с важанами.

История Устьянских волостей как особой административно-территориальной единицы на этом не заканчивается. Существовали далее в составе Великоустюжской провинции, пока при императрице Екатерине II в 1780 году не были окончательно расформированы и включены в состав других уездов. Волостное самоуправление при этом сохраняется, но в гораздо более скромных масштабах.